

А.И. Яковлев*

СТРАНЫ ВОСТОКА: ВЫЗОВ «КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

Мир Востока существенно изменился в ходе модернизации в XX в. В восточном обществе произошло столкновение культур: традиционной (восточной) и современной (западной). Понимание сложности идущего в мире процесса «культурной глобализации» позволяет определить его будущие последствия.

Ключевые слова: Восток, Запад, цивилизация, культура, глобализация, самоидентификация.

During the period of modernization in the XX century the East has undergone serious transformations. Clashes of cultures — traditional (indigenous) and modern (European) is the reality of current development in the eastern societies. An understanding of this complicated process of “cultural globalization” allows to determine its future ramifications.

Key words: East, West, civilization, culture, globalization, self-identification.

В чем главный или один из главных вызовов для Востока в начале XXI в.? На виду находятся весьма острые экономические и политические проблемы, естественно оттесняющие на периферию общественного внимания вопросы идеологии и духовной жизни. Но столь же естественно, что такого рода вопросы порождаются более глубокими основаниями в общественной жизни восточных обществ, их цивилизационными традициями, вступающими во взаимодействие с вызовами мировой глобализации.

В ходе модернизации стран Востока в течение XX в., а далее — на рубеже веков под давлением процессов глобализации под сомнение была поставлена традиционная система ценностей восточного общества, вся целостная совокупность Традиции, что побуждает задуматься над перспективами цивилизационной идентичности восточного общества в будущем.

Впрочем, такого рода тревога возникла ранее на Западе. Еще 15 лет назад П. Кеннеди указывал, что в ходе формирования современного индустриального общества внутри него возникает угроза:

* *Яковлев Александр Иванович*, д.и.н., профессор факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник отдела Института Востоковедения (e-mail: yak@mtu-net.ru).

«...надвигающаяся трансформация угрожает существующим обычаям, образу жизни, верованиям и социальным предубеждениям. С этим может столкнуться как передовое, так и неразвитое общество» [3, с. 32—33].

1

Сам объект нашего изучения — восточное общество — за последние 10—15 лет существенно изменился и сейчас находится в состоянии переходности от до-современного к современному обществу.

Повторю известные тезисы: во-первых, завершился распад бывшего «третьего мира» на новые общности — «второй—третий» и «третий—четвертый», если исходить из критериев социально-экономических. Во-вторых, можно говорить о завершении процесса Модернизации на Востоке, если понимать под Модернизацией процесс ускоренного и целенаправленного развития по образцу развитых стран Запада, начатый и проводимый государством.

Для одних стран западная модель оказалась вовсе недостижимой, другие вышли на уровень, близкий к ее социально-экономическим показателям (ВВП, продолжительность жизни, уровень грамотности, обеспеченность средствами связи и информации). Так или иначе, но потенциал подражания западной модели развития и у малоуспешно развивающихся, и у вполне успешно развивающихся стран Востока можно считать практически исчерпанным. Новой проблемой для успешно развивающихся стран стало ощущение своих «пределов роста» как в экономическом, так и в социальном измерении.

Используя недавно появившееся у китаистов определение, можно говорить о «двухколейном» социально-экономическом развитии современного Востока. По одной «колее» движутся современные уклады, по другой — оставшиеся традиционные. Понятие «дуалистичности» не ново, но ныне явно усиливается поляризация в восточном обществе вокруг Модерна и Традиции. Стоит заметить, что дуалистичность ощутима и видна на всех «социальных этажах» восточного общества.

Итак, западная модель утратила свою нормативность в качестве образца для развития, но не исчезла как реальность современного мира. Она представляет собой вызов для Востока, на который необходимо реагировать. Запад задает сам ход мирового развития, определяет его характер, играет в нем особую роль, с весомыми основаниями претендуя на роль главенствующую.

Казалось бы, на данном витке исторического развития мир вернулся к состоянию рубежа XVIII—XIX вв. — состоянию относительного равновесия Запада и Востока, их относительной само-

стоятельности и независимости, нарастающему противостоянию. Но есть качественная новизна в современном развитии.

В 1960-е — 1970-е гг. главными угрозами для Востока были голод и бедность, в 1980-е — техническая отсталость, неравноправие и зависимость в отношениях с Западом, в начале XXI в. — универсализация, или унификация, культур, что не означает, однако, исчезновения старых угроз.

В ходе глобализации происходит смена иерархии факторов общественного развития. Экономический, материально-технический и идейный (идеологический) факторы теряют свое значение ведущих. Конечно, сохраняют свою важность факторы политический, национальный (наконец, на Востоке завершается формирование национальных государств). Но существенно возрастает значение таких факторов развития, которые в течение двух последних веков находились на периферии общего внимания. Это факторы экологический и духовный.

2

Недооценка важности духовного фактора сохраняется. Встречаются убеждения, что в эпоху глобализации, подобно тому как происходит универсализация экономической деятельности, идет положительный процесс формирования некоей «глобальной», или «универсальной», культуры, процесс «гибридизации культуры, соединение, взаимопроникновение Запада и Востока» [1, с. 68]. Очевидным доказательством этого стало широкое распространение английского языка в качестве универсального средства общения.

Но духовный фактор имеет иную природу, он остается порождением не столько материальной, сколько духовной деятельности человека. (Стоит отметить появление концепции мультикультурности современного мира, в рамках которой считается возможным существование и сосуществование различных систем взглядов.)

Конечно, очевидна пагубность отказа восточного общества от принятия плодов западного культурного развития. Например, в постсоветском Узбекистане после разрыва с советской (европейской) традицией и определенной изоляции от культурного взаимодействия с Россией, после введения *латиницы* и иных новаций ощутимо понижение уровня светской культуры. Ясно также, что изоляция от глобального культурного взаимодействия обязательно потребует изоляции от глобальной экономики, а это практически невозможно или опасно для любой страны. Но в чем плюсы и минусы «культурной конвергенции» Востока и Запада?

Очевидным следствием модернизации на Востоке в сфере социальной и духовной жизни стало разрушение господства Традиции

и духа общины, коллективности. Мощное развитие капитализма требовало от личности большей самостоятельности, но это воспринималось как тяжкое бремя, поскольку означало коренные изменения в духовной жизни. Община слабела, но общества не возникало.

Духовный фактор развития на Востоке основывается на мощной традиции, у него сильные цивилизационные корни, еще не размытые, в отличие от западной модели современного общества, сугубо рационалистическим подходом, той современной системой европейского мировоззрения, которая сформировалась на Западе в эпоху Просвещения.

Впрочем, уже и там признается ограниченность принципов рационализма. И на Западе все более открыто происходит обращение к духовному фактору развития. Вопрос в том, что составляет этот духовный фактор, какую модель культуры Запад предлагает остальному миру.

3

Глобализацию подчас называют американизацией мира, и для этого есть основания. Именно Америка во всей силе и разнообразии своего экономического могущества, технического превосходства и подавляющего господства своей массовой культуры стала лидером в процессе унификации мира.

Стоит заметить, что культурный обмен между различными народами происходил постоянно на протяжении всей истории мира. И достижения античной культуры Европы успешно усваивались арабо-мусульманской цивилизацией, а отдельные плоды китайской культуры внедрялись в культурную жизнь западноевропейских стран. Но ныне изменился не механизм взаимодействия культур, а характер восприятия культуры в обществе, не просто современном, но потребительском. Глобализация культуры стала не только насаждением определенной модели массовой, вненациональной (космополитической) культуры, но также — заменой усвоения ее плодов их *потреблением*. И даже духовное производство, творчество превращается в массовое производство эрзац-культуры, это факт.

В то же время это не означает пока полного и окончательного отказа лидера глобализации от своего исторического наследия, от своих традиций. США выходят из глубин либерализма, и наряду с моделью вненациональной культуры там набирает силу основа *американской идеи*, американской модели и американского мировоззрения — христианский фундаментализм, корни которого — в идеях Мартина Лютера и Жана Кальвина. Вся политика Дж. Буша во второй срок его президентства была основана на идеях «неоконсерваторов», имеющих глубоко традиционные корни.

Ведь мессианская уверенность Дж. Буша питалась не только военной и экономической мощью США.

В № 4 *Foreign Affairs* за 2008 г. опубликована статья Уолтера Мида «Новый Израиль и старый» о формировании основ американского мировоззрения. «На протяжении веков американское воображение настаивало на древнееврейских писаниях», а «во время Реформации было акцентировано развитием кальвинистской теологии», — утверждает автор. Французский историк Алексис де Токвиль в 1831 г. посетил США и с удивлением заметил, что сторонники частной собственности, равноправия и главенства закона утверждают также «пользу свободы религии» и «веры в Иисуса Христа» [7, с. 219]. В те же годы американский писатель Г. Мелвилл отмечал: «Мы, американцы, особенный, избранный народ — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод всего мира». «Это мифологическое понимание природы и судьбы Соединенных Штатов — один из самых мощных и долговечных элементов американской культуры и мысли», — делает вывод У. Мид.

Правда, победа на президентских выборах в США в 2008 г. приверженца либеральных ценностей Б. Обамы, казалось бы, ставит под сомнение недавнее «возрождение американской традиции». Однако время покажет, удастся ли новому американскому президенту вернуть стране дух ее «либеральной эпохи» 1960—1970-х гг. и объединить общество на основе либеральных ценностей.

В Западной Европе также можно констатировать отход от «безбрежного либерализма». Во Франции президент Николя Саркози во время визита Папы Римского в сентябре 2008 г. заговорил о христианских основах французского общества, что фактически становится отказом от начатой в 1905 г. политики отделения католической церкви от государства.

Почему? Французский президент крайне прагматичен: он понимает, что церковь — это определенная сила; он понимает также, что «вера дает человеку важный “ценностный ресурс” — надежду. А именно это нужно нации, чтобы она могла строить общество в долгосрочной перспективе» [9, № 37, с. 84]. Впрочем, это не означает отказа от принципа светскости в политической и общественной жизни Франции, это — отказ от былого игнорирования религии. Н. Саркози выдвинул тезис о «позитивной светскости»; «светский — не значит атеистический»; политике предлагается находиться с религией и церковью в диалоге.

Кроме того, Франции нужен союзник в борьбе с «исламизацией Европы». Проблема не в мусульманах, а в их нежелании ассимилироваться, интегрироваться в европейское общество, в их противостоянии европейской культуре и Традиции. Это возрождает из глубин исторической памяти европейцев стремление к защите

национальной идентичности, т.е. своих цивилизационных корней, основательно размытых и забытых за век либеральной секуляризации. Отчасти тем же стремлением к защите цивилизационной идентичности был вызван визит патриарха Московского и всея Руси Алексия II в октябре 2007 г. во Францию. Впрочем, если и можно говорить о сближении христианских церквей в Европе, то прежде всего — в их стремлении совместно противостоять главной угрозе — агрессивной экспансии секуляризма, а также в борьбе за сохранение моральных и идейных основ христианства, за души людей. И в этом очевидно определенное сходство основных систем ценностей мировых религий. Но будет ли востребована христианская модель культуры современным западным обществом?

«Европейский исламский мир» уже немалый. В 1950 г. в Европе (без Балкан) жили 300 тыс. мусульман, в 1970 г. — 2,7 млн, в 2007 г. — более 16 млн. Это около 3,4%, но к 2025 г. ожидается увеличение их доли до 10—15%, в 2050 г. — 20—25%, что составит около 70 млн человек [9, № 38, с. 61].

В Европе возникает страх не столько перед дешевыми рабочими руками мусульман, сколько перед исламом, мечетями, попытками ввести начала шариата в судопроизводство, что фактически одобрил в Англии в феврале 2008 г. архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс: в лондонском Дворце правосудия он обратился к специалистам в области права с предложением обсудить, каким образом в современном британском обществе можно облегчить интеграцию представителей нехристианских конфессий, не желающих отказываться от своих традиционных ценностей [9, № 7, с. 82].

Тезис о том, что Модернизация парадоксальным образом возрождает Традицию не только на Востоке, можно подкрепить многими примерами из жизни и коренных европейцев, и восточных мигрантов в Западной Европе.

В последние годы происходит утверждение новой для современной Европы исламской Традиции на ее территории, экспансия не столько ислама, сколько исламской культуры (при этом мы пока оставляем в стороне вопросы исламского экстремизма и радикализма). Для выходцев из мусульманских стран в их новом образе жизни оказываются важными не только уровень образования и качество жизни, т.е. их модернизация на уровне отдельной личности, но и необходимость культурной и духовной самоидентификации.

Для быстро возрастающего в численности поколения молодых мусульман в Европе ислам становится серьезным маркером их культурной идентичности, духовной основой их противостояния чужой среде, чужим укладу и образу жизни. Молодые арабы, пакистанцы и турки, родившиеся в Европе, не хотят ассимилироваться.

Вопрос, составит ли исламская культура реальную угрозу культуре европейской, пока остается гипотетическим, хотя только в Германии в 2008 г. было 1200 мечетей. В то же время это не означает смены религии. *Мечети вытеснят христианские храмы в Европе только в том случае, если эти храмы окажутся пустыми.*

4

Но если духовный фактор выходит на первый план на Западе, то ясно, что тем большее значение он приобретает на Востоке.

Об этом заговорили после Иранской революции 1979 г., очевидно это стало после событий 11 сентября 2001 г. Дело даже не в том, кто организовал и осуществил в США теракты. Дело в реакции на них народов Востока — реакции положительной, одобрительной. Тем самым уже на уровне всего восточного мира был дан знак неприятия не только политической гегемонии США, но и глобальной американской культуры в ее качестве агрессивной массовой культуры. Бедные и голодные хотят жить лучше, но не ценой отказа от Традиции.

Правда, стоит еще раз отметить внутрорегиональное и даже внутристрановое разнообразие цивилизационного наследия восточного общества. Внутренняя многозначность Традиции видна на примере исламского фактора в современном развитии Ирана, Пакистана и Афганистана. Мусульмане едины в отрицании «безбожной западной культуры», но разобщены в своей внутренней жизни. Г.И. Мирский, анализируя шиитский фактор и шиитско-суннитское противостояние в политической жизни Ближнего и Среднего Востока, справедливо указывал на ожесточенную борьбу различных течений в мировом исламском сообществе — фундаменталистов, радикалов, исламистов, джихадистов и иных группировок разного толка. Шиитские исламисты «ненавидят Запад и особенно Америку... но еще большее зло для них — выход на доминирующие позиции в мировом мусульманском сообществе суннитских фундаменталистов, неспособных отказаться от враждебности к шиитам. И не исключено, что беспокойный исламский мир ждет еще и борьба фундаменталистов» [5, с. 15].

В другой части восточного мира возникали проблемы иного уровня. Создатель современного Сингапура Ли Куан Ю вспоминал, что для ускорения процесса модернизации было принято решение о переводе обучения в университетах с китайского на английский язык. Это оказалось болезненным и для студентов, и для преподавателей. «По мере того, как осуществлялись эти изменения, я стал опасаться, что мы могли утратить то хорошее, что было в китайских школах: дисциплину, уверенность в себе, прививае-

мые студентам моральные и социальные ценности, основанные на китайских традициях и культуре. Я хотел сохранить все это, — писал Ли Куан Ю. — Нам следовало передать эти ценности студентам новых двуязычных школ. Иначе они лишились бы своей культуры», забыли «конфуцианские нормы семейных отношений» в условиях широкого проникновения в Сингапур ценностей американского «общества потребления» [4, с. 149].

В последние годы заговорили о «буддистском ренессансе» на Тайване, в Индии множество чрезвычайно влиятельных религиозных движений распространилось среди широких народных масс.

Эти примеры показывают важность, которую в ходе неизбежной модернизации восточного общества приобретает процесс культурной идентификации, необходимый для его внутренней трансформации — традиционного общества в современное состояние. Такого рода внутренние проблемы усугубляются внешним вызовом.

На важность подобных процессов указал М.Г. Делягин, считающий, что «именно культура как совокупность систем ценностей, стереотипов мышления и поведения, свойственных данному обществу, — ключевой элемент его устойчивости». И не случайно воинствующие апологеты либерального фундаментализма объявили войну «общественным мифам» и «господствующим стереотипам» [2, с. 65]. (Так, И. Резник в 2006 г., указав на возрождение в России идей «державности и патриотизма», с печалью заметил: «...будущее нашей страны представляется мне весьма и весьма сомнительным».) Навязывание либеральной парадигмы, которая в своем фундаменталистском воплощении отрицает и разрушает любую Традицию, ее настойчивое насаждение в восточных обществах, переживающих переходное состояние, как раз и возрождает в них инстинкт самосохранения.

Вызов глобальной, по сути — американской, культуры породил различные ответы: отрицание, принятие в форме сосуществования (симбиоза) или синтеза. Точности ради стоит заметить, что этот процесс взаимодействия двух разнородных культур и цивилизаций начался много ранее — в XX в., в ходе проходившей в восточных обществах модернизации по западной модели.

В духовной сфере также можно говорить о дуалистичности или «двухколейном» развитии: в сфере производства личность может существовать в условиях современного глобального мира, а в частной жизни полностью или частично оставаться верной нормам традиционного уклада. Пример: принятие в быту культуры «биг-мака», глобальной массовой культуры, но сохранение верности в сфере духовной жизни традициям ислама, обычаям предков. Повсюду на Востоке биг-мак, кока-кола, футболка, джинсы и голливудские фильмы могут уживаться с яростным антиамериканизмом.

Вопрос лишь в том, сможет ли сохраниться это равновесие? Сможет ли восточное общество безболезненно локализовать, сделать своими плоды глобальной (американской) культуры? Сменится симбиоз синтезом или отторжением западной культурной модели? Вытеснит ли потребительство в качестве цели и смысла жизни (по западной модели) традиционные религиозные и социальные ценности?

В связи с этим важно замечание Э. Эриксона: «чтобы утратить свою идентичность, сначала надо иметь ее». Проблема для восточных обществ состоит в том, чтобы осознать свою самость, идентичность в новом состоянии модернизированного, современного общества и сохранять ее от размыва в условиях культурной глобализации.

5

Таким образом, в начале XXI в. основные проблемы восточного общества включают в себя не только очевидные экономические, социальные и политические явления, но и вопросы культурной, или цивилизационной, самоидентичности. И нельзя не отметить сохраняющуюся угрозу этой идентичности со стороны либеральной идеологии глобализма.

Либеральная идеология отрицает Традицию, тот сложившийся на основе религии многовековой комплекс взаимосвязанных обычаев, норм поведения, взглядов и идеалов, системы социальных и культурных ценностей, который определяет уклад жизни и образ мысли больших общностей людей.

Глобализация как среда, в которой оказался модернизированный Восток, усиливает вызов Запада: ломаются традиции, считавшиеся незыблемыми; обнаруживается, что возможны иные вера, система ценностей и образ жизни. «Культурный вызов» активен и целенаправлен. Например, в начале XXI в. в двух ведущих китайских университетах более половины стипендий предоставлялось транснациональными компаниями; только за 1994 г. американские благотворительные фонды выделили на образовательные и филантропические нужды других стран 966 млн долл.

Примеры отрицания Традиции можно найти не только за океаном, но и значительно ближе. Например, на VI Международных Лихачевских чтениях в Санкт-Петербурге в мае 2006 г. А.А. Гусейнов утверждал, что «мораль не только может быть независимой от религии или других детерминирующих ее факторов, но только такой она и может быть! Она выражает автономию личности... Моральная автономия есть привилегия и право разумного существа быть моральным, выстраивать свое познание и свою жизнь по век-

тору добра» [1, с. 30]. Вопрос лишь в том, откуда берется этот «вектор добра», если человеческая личность абсолютно автономна к окружающему социуму?

Важность духовного фактора ощутима не только по отношению к отдельной личности, но и при оценке положения восточного общества в современном мире. От отрицания Традиции во всем многообразии ее составляющих логика либералов ведет не просто к противопоставлению Востока и Запада как полюсов Традиции и Модерна, но и к констатации очевидного и необратимого отставания второго от первого. Известный рупор либерализма Г.М. Резник в одном из своих выступлений в 2006 г. заявил: «На Востоке господствуют до сего времени ценности традиционные, и культуру [его] можно назвать не персоноцентристской, а системоцентристской, то есть интересы страны, нации, общества, государства преобладают над интересами личности. Встает очень важный вопрос: при сохранении системоцентристской ориентации возможен ли будет экономический прогресс в этих странах? В длительной исторической перспективе я отвечаю на этот вопрос отрицательно, в некоей короткой перспективе положительно... Весь ход развития доказал, что построить благополучное в экономическом и социальном отношении общество можно только на тех ценностях, которые, соответственно, всем известны и которые закреплены в международно-правовых актах» [1].

Права человека важны, но абсолютизация их, равно как и «вестминстерской модели демократии», опасна. Противопоставление одного принципа из всей системы социальных отношений всем другим и самому обществу неизбежно ведет к конфликтам, тем более если речь идет о перенятии чужеродных систем ценностей иной цивилизации. Стоит также вспомнить, что до XV—XVI вв. в мире существовало полное превосходство Востока над Западом в плане экономическом, политическом, военном и культурном, хотя в восточных обществах господствовал теоцентристский подход к миру и «системоцентристская ориентация» развития.

6

С известными оговорками можно признать, что таеет былое разделение мира на «бездуховный Запад» и «духовный Восток». Ныне они стоят один другого. Достаточно вспомнить новые религиозные движения на Западе, имеющие восточное происхождение (New Age, учения Дипака Чопра и Саи Баба). Это очевидное свидетельство того, что человек не может существовать в духовном вакууме, что отказ от своей Традиции неизбежно влечет его на поиски какой-либо замены.

Но если на Западе господствующей в общественной жизни стала тенденция к безграничной толерантности (подчас понимаемой как равнодушие к духовной сфере), на Востоке еще сохраняется тенденция почитания Традиции, что порой называется «тенденцией к национальному изоляционизму культуры».

Почему так обострилась проблема культуры? Столкновения культур начинаются там, где предлагается «ранжирование культур», при котором за точку отсчета берется западноевропейская постхристианская культура Модерна или даже Постмодерна (хотя не следует преувеличивать однородность, гомогенность Запада: он, как и Восток, весьма различен).

Быть может, следует говорить не о конфликте цивилизаций, а о возникшем в современном мире конфликте систем ценностей. Диалог цивилизаций и даже их сотрудничество возможны при условии признания ими близких систем ценностей. «Мы можем взаимодействовать с французской культурой, основанной на католицизме, — утверждал известный мусульманский богослов Сохейб Беншейх, живущий в Марселе, — сохраняя нашу собственную духовность и исламские ценности». Активный участник диалога между мусульманами и христианами во Франции Али Мерад писал: «В конце концов пришло время понять, что мы ничего не выиграем, до бесконечности отстаивая исключительность нашего образа *быть* и ревниво культивируя наш способ *иметь* внутри наглухо закрытых социокультурных пространств, будто оберегающих себя от любого “вторжения”. И все это — со ссылками на попечение о самобытности, которые на самом деле — не что иное, как способ оправдать свое нежелание услышать призывы *другого* и требования нашего времени» [8, с. 241].

Это и означает возрастание значения духовного фактора в качестве ведущего при формировании «альтернативной модели современности» по отношению к доминирующей в настоящее время модели западного, потребительского постхристианского общества, отказавшегося от общепризнанной системы ценностей.

В качестве успешного примера создания «альтернативной современности» П. Бергер называл деятельность католической организации *Opus Dei* в Испании, Латинской Америке и на Филиппинах. Она проповедует воинственный консерватизм в богословии и морали, преданность католическим религиозным и моральным традициям, но при этом занимает весьма благожелательную позицию по отношению к современному капитализму [6, с. 20]. Можно назвать и иные, азиатские примеры — Саудовская Аравия, Тайвань и Сингапур. В этих обществах с разной степенью успеха происходит процесс локализации «культурной глобализации» в условиях капиталистического развития своего типа, своей модели.

По сути, главным в процессах защиты самоидентичности и осознания идентичности и личности, и общества остается наличие определенной системы ценностей, моральных норм и идеалов. С отказом от объективно общепризнанной системы ценностей происходит неизбежный кризис личности и общества. Впрочем, этот не означает их конца, ведь *кризис* (греч.) — решение, исход.

В начале XXI в. в условиях, когда материальные и политические показатели степени развитости общества перестали быть определяющими и обретают характер условный, критерием выбора пути развития становится система ценностей — как между обществами, так и для отдельных личностей в нашем глобализирующемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские чтения. СПб., 2006.
2. *Делягин М.Г.* Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М., 2008.
3. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
4. *Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего» мира — в первый. М., 2005.
5. Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9.
6. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.
7. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1992.
8. Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000.
9. Эксперт. 2008. № 7, 37, 38.